

10. *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклитиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1884.
11. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
12. *Удальцова З. В.* Внешняя политика Юстиниана. Попытки реставрации империи на Западе. Войны с Ираном. Византийская дипломатия // История Византии. М., 1967. Т. 1.
13. *Мерперт Н. Я.* Кочевые племена в степной полосе Восточной Европы // Очерки истории СССР. III–IX вв. М., 1958.
14. *Ашурбейли С.* Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983.
15. *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана. М., 1996.
16. Менаандр Византиец // Византийские историки. Рязань, 2003.
17. *Семенов И. Г.* Этнополитическая ситуация в Хазарии в 830–850 гг. // Восток. 2008. № 3.
18. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
19. *Мухаммед-Аваби Акташи*. Тарихи Дербенд-наме. Тифлис, 1898.
20. *Munkácsi B. A dió szó* // Keleti Szemle. Budapest, 1927. Т. XX.
21. *Кокорцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
22. *Добровольская Е. В.* Археозоологические исследования в Фанатории хазарского времени // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2010. Вып. 1.
23. *Ибн-Хордадбэ*. Книга путей и царств // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1903. Вып. 32.

В. А. Дмитриев

О ВЫДЕЛЕНИИ ГЕОКУЛЬТУРНОГО АРЕАЛА ЦЕНТРАЛЬНЫЙ/БОЛЬШОЙ КАВКАЗ

Продолжая разработку темы геокультурного районирования Кавказа [1, с. 93–127], невозможно не обратить внимания на повторение в разные эпохи одинаковых ареалов в центральной части Большого Кавказа, но с собственным культурным наполнением.

Исходной для ареала Центрального Кавказа признается зона распространения памятников кобанской археологической культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа, хотя она имела предшествовавшие формы. Была высказана гипотеза о совпадении ареала кобано-колхидской культурно-исторической общности и ареала распространения Нартовского эпоса.

По мнению Е. И. Крупнова, кобанская культура имеет прототипы в виде реминисценций центрального варианта северокавказской культуры [2, с. 66]. Б. В. Техов определил ареал кобанской культуры от западных границ Приэльбрусья и Сванетии до верховьев р. Аргун на востоке и от южных границ Минераловодческого района на севере до южных границ современной Юго-Осетии на юге [3, обл.]. Восточная граница ареала культуры возникла в эпоху ранней–средней бронзы как граница майкопских и куро-аракских памятников и проходила в предгорьях на Северо-Востоке Кавказа между Аргунским и Веденским ущельями Чечни. В высокогорье она могла быть смещена до территории Северной Осетии [4, с. 445–452]. Эта граница поддерживается в восточной части преемственной куро-аракским памятникам культурой археологических комплексов Гинчи и Гатын-кале в эпоху средней бронзы, а в период поздней бронзы — ареалом каякентско-хорочоевской культуры. Е. П. Алексеева проводила границы прикубанской и кобанской культур поздней бронзы по верховьям Кубани и Зеленчуков, в дальнейшем западная граница продолжала разделять Западный и Центральный Кавказ [5, с. 43].

В. И. Козенкова выделила три субареала кобанской культуры и привела примеры сохранения кобанских традиций в восточном ареале посткобанского этнокультурного пространства вплоть до эпохи позднего Средневековья [6; 7; 8, с. 5–17]. Они выглядят так: западный субареал занимает горно-предгорную часть Центрального Кавказа и верховья рек, текущих с Приэльбрусья, центральный субареал захватывает водную систему Казбека, включая верховья Терека на северном склоне Главного и Водораздельного хребтов и Арагви на южном; восточный субареал находится в бассейне рек Сунжи и Среднего Терека. Три ареала, выделенные В. И. Козенковой, отчетливо сопоставляются: западный (Приэльбрусье) — с этнической территорией карачаевцев и балкарцев

и соседней Сванетии, центральный — с территорией Северной и Южной Осетии, восточный — с ареалом расселения вайнахов.

Следующий этап выделения Центрального Кавказа можно связать с аланской эпохой. Спорная и сложная проблема роли алан в этногенезе народов Центрального Кавказа может быть затронута в нескольких аспектах. Во-первых, по такому археологическому признаку, как распространение захоронений в катакомбах — подземных сводчатых усыпальницах с узким дромосом. Ареал их распространения исследователями указывается в пределах рек Большая Лаба и Аксай, но без включения высокогорья Ингушетии и Чечни [4, с. 123; 9]. Во-вторых, имеются работы, показывающие изменение форм керамического производства алан в этнографическое время в пространстве Центрального Кавказа. Третий аспект касается современного национального сознания аланского наследия, в котором участвуют карачаевцы, балкарцы (тюркская гипотеза), осетины (иранская), ингуши (вайнахская гипотеза) [10, с. 114–120].

Ареал распространения памятников кобанской культуры наиболее точно воспроизводится в зоне существования башенной и склеповой архитектуры Большого Кавказа XIV–XVIII вв. По признакам боевых башен можно выделить центральный, восточный и западный субареалы.

Наиболее западной и поздней по времени возведения (1760-е гг.) башней является так называемая башня Адиух, находящаяся в Черкесии. Немногочисленность башен Карачая и Балкарии трактуется как свидетельство их принадлежности феодалам [11, с. 15–16; 12, с. 37]. В архитектурном отношении большинство башен сходны с башнями, типичными для Осетии либо Сванетии. По данным В. Х. Тменова, в Северной Осетии отмечены 22 замка-галуана, 266 боевых башен, 97 жилых башен [13, с. 266–267].

В Ингушетии жилые и боевые башни являются принадлежностью каждого аула [14, с. 282; 15, с. 63]. В. И. Марковин высказался в пользу единого вайнахского типа боевых башен с пирамидальным перекрытием и машикулями. Для Чечни выделены боевые башни, находящиеся в скальных нишах.

Жилые башни являлись частью поселенческих комплексов северо-востока Горной Грузии и Юго-Осетии [16, с. 21–25]. У сва-

нов жилище состояло из глухой постройки в два этажа и пристроенной с торцевой стороны оборонительной башни со сплошной линией бойниц-машикулей [17, с. 53]. Одной из особенностей Нагорного Дагестана можно считать появление так называемой ложной башни, которая объединяла ряд жилищных комплексов, принадлежавших разным семейным группам.

Границы Центрального Кавказа совпадают с разграничением областей ведения плодосменной системы земледелия и подсеки или рубки [18, с. 53–60]. Для всего ареала отмечены сходные способы ведения земледелия и скотоводства. К данному ареалу на территории Дагестана, очевидно, следует причислить местности, где плодосменное земледелие велось в горно-долинной зоне, а к самому набору выращиваемых продуктов следует добавить бобовые. В Дагестане и на Северном Кавказе проходила граница в целом всего региона применения молотильных досок.

Для Центрального Кавказа был типичен печенный на противне хлеб и нетипична крупяная *паста*. Восточную границу ареала можно увидеть в разграничении способов печения хлеба и приготовления изделий из вареного теста.

В предложенной В. П. Кобычевым классификации жилища народов Кавказа для территории Центрального Кавказа отмечено каменное жилище в 2–3 этажа с плоско-кровельным перекрытием [19, с. 1–12]. Е. Н. Студенецкая обратила внимание на присутствие в Восточной Чечне женской одежды дагестанского типа [20, с. 146]. Для районов западнее Чечни не был характерен комплекс мужской и женской одежды, состоявший только из рубахи и штанов. В Чечне и Кумыки нарядный девичий костюм включал платье с нашивными на разрез на груди застежками, тогда как западнее было принято застежки нашивать на нагрудник. Промежуточное положение Чечни проявляется в том, что на ее территории сосуществовали оба способа ношения женщинами серебряных застежек.

Собственно центрально-кавказским вариантом северокавказского костюма является длинный мужской и женский *каптал*, использовавшийся в качестве верхней одежды. Также были распространены мужские войлочные шляпы и девичьи низкие конические шапочки с узорами в виде цветочных гирлянд и змееобразных фигур.

В целом, ареал Центрального Кавказа по разным признакам описывается как высокогорная местность, западная граница которой проходила в Верхнем Прикубанье, восточная граница была близка к пограничью Чечни и Дагестана, но в ряде случаев включала территорию Горного Дагестана или ее часть.

Библиография

1. *Дмитриев В. А.* Геокультурное районирование Кавказа: Западный Кавказ // Кавказ и Россия — прошлое и настоящее. История, обычаи, религия. СПб., 2006.
2. *Крупнов Е. И.* О происхождении и датировке кобанской культуры // Советская археология. 1957. № 1.
3. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.
4. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до середины XVIII в. М., 1988.
5. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
6. *Козенкова В. И.* Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
7. *Козенкова В. И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
8. *Козенкова В. И.* Древние основы культурного наследия нахского этноса (к истокам горского менталитета) // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2002.
9. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.
10. *Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.
11. *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970.
12. *Батчаев В. М.* Балкария в XV–XIX вв. М., 2006.
13. *Тменов В. Х.* Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
14. *Щеблыкин И. П.* Искусство Ингушетии в памятниках материальной культуры // Известия Ингушского НИИ краеведения. Владикавказ, 1928. Вып. 1.
15. *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971.
16. *Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н.* Бытовая культура Грузии XIX–XX вв.: традиции и инновации. М., 1982.

17. Джандиери М. И., Лежава Г. И. Архитектура горных районов Грузии. М., 1940.
18. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
19. Кобычев В. П. Типология кавказского народного жилища // VII конгресс МКАЭН. М., 1984.
20. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII — первая половина XX в. М., 1994.

А. Р. Аюбов

ОТРАЖЕНИЕ ОБРЯДОВ, РИТУАЛОВ И ТОТЕМИЗМА В ТОПОНИМАХ НАРОДОВ УСТРУШАНЫ

В истории человечества еще с древнейших времен важное место занимают географические названия. На раннем этапе истории у людей появилась потребность называть объекты окружающей среды. Это было связано с началом процесса их познания. С этой точки зрения можно говорить о том, что каждый топоним связан с культурной жизнью человека, следовательно, они являются культурными памятниками своей эпохи. Различные культы, обряды и ритуалы, а также тотемистические представления в определенной мере повлияли на создание топонимов.

Культ растений, деревьев и животных был характерен для наших предков. Почитание растений, деревьев и животных было связано не только с культом производящих сил природы, но и с космогоническими представлениями. Особое место занимало почитание деревьев.

Люди считали дерево благодетелем, в их представлениях оно выступало родовым священным древом. Дерево являлось анало-